

УДК 111.6

**ПЕРСОНАЛЬНОЕ, РОДОВОЕ И УНИВЕРСУМНОЕ
В СОМАТИЧЕСКОМ БЫТИИ ЧЕЛОВЕКА****THE PERSONAL, FAMILY AND UNIVERSE ONE
IN A SOMATIC HUMAN BEING****Л.М. Газнюк
L.M. Gazniuk***Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85**Belgorod state national research university, 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia**E-mail: gazniuk@bsu.edu.ru*

Аннотация. В статье рассматривается соматическое бытие человека в его взаимосвязи с родовым и универсальным измерением. Анализируются физическая и метафизическая границы персонального тела универсума и тела рода. Показано сакральное значение телесных меток, символизирующих не лауну в пространстве рода, а универсализацию всего в одном и одного во всём. Отмечается, что персональное соматическое бытие не находится в оппозиции к природе, а является её целостной частью, а раны, нанесенные телу природы, со временем становятся ранами самого человека, образуя образ родства живой и неживой природы.

Resume. The article discusses the somatic being of human in his relationship with the generic and universe measurement and analyzes the physical and metaphysical boundaries of the universe personal body and the generic body. It is shown sacred significance bodily marks that symbolize not a gap in the generic space, but the universalization of all in one and one in all. It is noted that private somatic being is not in opposition to nature, but it is an integral part of nature, and the wounds inflicted on the body of nature, will eventually become the wounds of the man himself and form the image of relationship between animate and inanimate nature.

Ключевые слова: соматическое бытие, персональное, родовое, универсальное, тело, раны, метки, человек, природа, культура.

Key words: somatic being, private, generic, universe, body, wounds, marks, human, nature, culture.

Соматическое в персональном, родовом и универсальном бытии человека подлежит координации, которая предстаёт как логический, психологический и космический закон, существующий в мыслях, в душе и в мире. Иначе говоря, координация связывает все существа в единый мир, в единую космическую систему. Такое целостное соматическое бытие формирует чувственное тело человека. В нём все элементы индивидуальны, и каждый из них на своём конкретном месте вступает в движение целого, приостанавливается и снова начинает влиять на других, является неотъемлемой составляющей общения и взаимосвязи человека с миром.

Благодаря современным технологиям для современной медицины тело стало картиной, доступной прочтению, а значит и переводу, глаза обеспечивают взаимоналожение и взаимообмен увиденного и познанного. Тело – это своеобразный шифр в ожидании дешифровки, а потому различные пометки, среди которых раны, шрамы, татуировки, врождённые метки дают дополнительную информацию о персоне человека. Конвертируемость увиденного тела в тело познанное – или пространственной организации тела в семантическую организацию – стало возможным благодаря преобразованию, в котором тело является протяжённостью, внутренним, раскрыто как книга, которая читается. Такое изменение происходит, когда тело пережитого разворачивают перед заинтересованностью исследователя как текст. Современная медицина появилась как разрыв между субъектом, который умеет читать, и объектом, описанным на языке, который сам себя понимает, но должен быть расшифрован. Расшифровка требует и человеческого бытия, соединяющее три аспекта: логический, где господствуют мысли, психологический – душевные проявления, космический – где человек господствует в мире, как микрочастица в макром мире. Ни один уголок тела человека не остаётся вне влияния сердца; все они обогрываются и оживляются им, подобно тому, как солнце обогрывает Землю.

Неотъемлемой составной частью соматического бытия человека является кровь как органический субстрат. Кровь как животворящий символ даёт способность человеку «чувствовать в себе частичку моря, цикличность кровообращения, автономную циркуляцию крови» [7, с.42] и тем самым осознавать разрыв круга дохристианских представлений о судьбе, роке и фатуме и создании нового образа тела как конечной цели. Западная модель мира, исходящая от «Я», с опорой на уникальность и верой в

собственную непогрешимость, хотя и имеет сторонников, но не является всеобщей доминантой интеллектуальных усилий, уступая числом своих бывших сторонников среди постструктуралистски ориентированных мыслителей, которые видели связь человека и природы в других измерениях. Поток крови оживляет тело человека, а кругооборот символизирует амбивалентно семиотическое тождество внутреннего и внешнего миров. Современная озабоченность телом природы как своим собственным поддерживается потенциалом единства кровной общности всех людей, поскольку все люди имеют определяюще общую природную основу крови как жизнетворительного источника. «Человек – это всегда конкретная личность, которая имеет не только специфические для неё измерения социальной бытийности, – отмечает А. И. Горак, – ... а и конкретные обстоятельства индивидуальной жизни, ... определённого микрокосма, как монады Вселенной, как персонального носителя космической энергии» [3]. Таким образом, об уникальности персонального соматического бытия можно говорить, только признав общность истоков и судьбу человеческого рода благодаря крови как фактору и символу жизнетворения.

В универсальном измерении тело Земли находит отклик в персональном соматическом бытии человека, в котором он отделён от мира, имея собственное тело, личностный жизненный путь и цель. Образом кровообращения в культуре является праобраз реальной циркуляции крови в организме с его малыми и большими кругами, соединяющими тело природы и тело человека. Как метко заметил В.Г. Табачковский, «феномен «сращивания» различных проявлений бытия ... в случаях взаимосогласованности человеческой жизнедеятельности с ходом природных процессов, образуется своего рода сплав «законосоответствия» последних – и человеческой целесообразности. Тогда природа как будто находит своё другое в человеке, а человек излучает универсальные интенции бытия вообще» [8, с.13].

В теле природы происходит включение архаического тела коллектива через боль путём распространения на него орнамента, расписанного по всему телу рода, орнамента, который неуклонно изменяется во времени – это устойчивость в изменении, подобно тому, как изменяет свои воды река, оставаясь одновременно той же и не той же. Той же, поскольку родовое тело несёт в себе живой и старательно сохранённый в неизменности текст, в котором записаны устав и знаки, отличающие членов доклассового общества, и не той же, поскольку вынужденное обстоятельством как внутреннего, так и внешнего характера тело помимо воли изменяет контуры рисунка, и река медленно меняет своё русло. Только тело, которое прошло метку сакральной освящённости, приобретает настоящую ценность и равноправность среди других в данной культуре. Тело, не прошедшее обряд инициации, попадает в разряд табу и жёстких норм, установленных конкретной культурой. Принятие боли, ужаса, личной жертвы в момент вхождения в общность архаического тела как целостности «коллективного мы», его прочности и нераздельности выступает гарантом верности традиции как осуществимости истории рода. Генеалогия жертвы берёт своё начало в биологическом механизме блокирования инстинкта самосохранения ради продолжения рода.

Тело отдельной персоны – не лагуна в пространстве рода, а универсализация всего в одном и одного во всём. И кровь жертв, и шрамы на теле, и крик во время инициации – всё это внутренние процессы единого тела, регуляция поведения которого основывается на биолого-психологическом нормативном регулировании, являясь древнейшим регулятивом и, по оценке исследователей, именно она является «своеобразным фундаментом для других регулятивов: брачно-семейных, корпоративно-групповых, мифолого-религиозных, правовых, моральных» [11, с.25]. Жертвуя телом ради духа, жертва приобретает ореол святости. Жизнь духа живится смертью тела, поскольку аскетическими практиками умертвляется плоть: болеет, умирает, уничтожается тело, но спасается душа. Раненое тело ранит душу, и напротив, боль раненой души передаётся телу. В пространственно-временном континууме культуры всегда имеет место свободное проявление воли, как призвание души и кровоизлияние, связанные с телом и разнообразными чувственно-экзистенциальными составляющими.

Человеческая судьба достаточно откровенно проявляет свою сущность в преодолении отсталости и инертности мира, который живет произвольно, а иногда и самодовольно. Упорядочивая мир, человек расплачивается кровью за возможность открывать новые способы видения, новые просторы и новые ступени свободы. Рана Земли, нанесенная ей первой бороздой, символизирует рану, которая влияет на архаическое тело, которое не различает ещё внутреннее и внешнее тело, что опирается на симметрию ран тела Земли и тела рода, устанавливает спокойствие и уверенность в чувствах, мыслях и делах. Поэтому принесение человеческих жертв во время посевов было обычным делом в различных регионах Америки, Африки и Индокитая [9, с.403-418]. Вместе раны и рубцы составляют непрерывную цепь, которая окружает человека и проводит границу между своим и чужим, опасностью и безопасностью, силой воли и жестокой необходимостью, свободой и табу.

Соматическое в персональном, родовом и универсальном бытии человека органически связано с тем проблемным полем, которое тематизировано М. Хайдеггером в понятии «складка» и разработано М. Мерло-Понти, М. Фуко, Ж. Делёзом [6, с.266-274]. При сгибании образуется складка, которая в метафизическом понимании отражает оппозицию внутреннего-внешнего в бытии человека и которую можно рассматривать в становлении биологии [4, с.257]. В соматическом бытии человека внутреннее и внешнее взаимно обращены одно к другому как сгибание и разрыв, ранение целостности. Разрыв, также как и «складка», «разворачивание», «сгибание» выполняют креативную функцию, проявлением которой является появление органического из неорганического, так и этапы формирования живого в эволюции жизни. В универсуме прорыв и ранение изначальной чистой поверхности живого организма ведёт к усложнению, которое завершается мученическим рождением органов человеческого тела, са-

мого тела и трансфигурацией последнего. «Если тело индивида, тело рода, тело природы соединить в определённое образование и понять его как нечто целое, то используя метонимическое отождествление – характерную особенность архаического видения, – можно взглянуть на складки тела, как на следы бывших ран» [7, с.104.]. Складки тела индивида и рода являются следами прошлых ранений. В них скрыты органы, которые образуют рельеф тела, отдельные части которого М.К. Мамардашвили назвал «вогнутостями» и «выпуклостями» [5, с.14]. Такое понимание структурного строения живого тела означает соединение внешней формы видимого и внутреннего содержания не видимого, а только воображаемого в соматическом бытии человека. Отверстие в природном теле имеет название по аналогии с отверстием человеческого тела (рот на лице человека и устье реки как вход в определённое пространство организма или природы соответственно). Вогнутость и выпуклость отвечают за выход и вход, за переживание, за пропускание мира через себя. Важность таких форм в телесном представлении многих народов обозначается орнаментом в одежде на наиболее ответственных и значащих местах с точки зрения соматического бытия человека – это шея и грудь, руки, ноги, талия. Именно эти части тела наиболее активно контактируют с внешним миром природы и социума, и через них персональное соматическое бытие может оказаться под влиянием деструктивных сил, и поэтому такое украшение одежды имело символически охранный характер. Усложнение «ландшафта» (В.А. Подорога) способствует усложнению формы телесной оболочки, формируя органы. На уровне универсума этот процесс свидетельствует о едином теле, органы которого оформились в складки, состоялись как составные части, объединились в целостность, создавая соматическое бытие человека.

Начало представления о соматическом на уровне универсума находим у Анаксимандра, где плотный, вязкий физиологизм и материальная ощутимость чешуи первых животных наводит на мысль о ранах, которые предшествуют разрезам тела. Человеческое тело имеет разрезы по образцу разрезов в земных недрах, создаваемых для добычи полезных ископаемых. Внешние складки тела – это лишь зеркальная проекция внутреннего состояния различных органов, и подтверждением этой мысли является возможность осуществлять диагностику по радужной оболочке глаза и наличию акупунктурных точек на теле, ушах, ладонях, что свидетельствует о единстве всех тел и органов в универсуме, сохраняющем биокосмическую память о родстве мира природы и сомы человека. «Что такое сердце, как не пружина? Что такое нервы, как не такие же нитки, а суставы, как не такие же колёса, которые сообщают движение всему телу?» [1, с.207]. Человек в своём соматическом бытии не стоит в оппозиции к природе, а является целостной частью неотчуждённого от первоприроды лона. Нанося раны природе, телу Земли, человек тем самым наносит раны и себе, а поэтому в эру стремительного развития цивилизации необходимо в окружающем увидеть не «другого себя», а часть себя в развёртывании природы.

В пространственно-временном существовании событий возможно смещение хронологических параметров, в результате чего ситуации и события отдаляются или совпадают, а кривизна пространства приобретает такой вид, что внешнее оказывается не отражением внутреннего, а само является внутренним. Визуальные наблюдения за ландшафтом Земли, окружающей природы, тела человека выявляют относительность внешнего и внутреннего, означающего и означаемого, а выявленное взаимодействие позволяет не только диагностировать, но и контролировать их.

Возможность заметить в организме процессы сгибания и уплотнения формирует представление о персональном соматическом бытии, как результате усложнения и деформации ландшафта, образ процессуально завершённого этапа преобразования внешнего во внутреннее, которые, замыкаясь одно в другом, создают формы породнённости живой и неживой природы. При таком взгляде на единство универсумного и родового в персональном бытии человека становятся относительными приоритеты, затягиваются разрывы, утрачивает значение классическая оппозиция внешнего и внутреннего в едином теле, которое приспособляется к природе не только внешне, но первично существует в середине неё.

Своё персональное соматическое бытие человек начинает осознавать в динамических потоках различных тел и сил Земли, которая оставляет следы на его теле, формируя его, даёт опыт своего тела тем, что испытывает его на разрывы, скручивание, эластичность, закалённость и, в конечном счёте, определяет ему пространство возможного действия. Деформируя повседневное пространство и время, синхронизируя ритмы Космоса, телесных движений, ритуал открывает пространственно-темпоральный континуум, в котором совпадают, возвращаясь к первичному состоянию нераздельности, культура и натура, тело и органы, кровь и разум, позволяя участникам ритуала получить опыт не только приобретения единого архаического тела, но и острого переживания саморанения, опыт жертвоприношения, опыт обретения спокойствия и тишины. Среди многих народов архаического общества широко практиковался ритуал расцарапывания лица и резания кожи на собственном теле родственниками и близкими умершего во время погребения. В этом ритуале просматривается не только психофизиологическая акция, заглушающая боль потери, но и метафизический смысл утверждения жизни над смертью. Во встрече со смертью архаический человек ассоциировал часть своего родового тела, без которого не мыслилось собственное «Я». В ритуальном жесте самурая – хакари доказывалась внутренняя убеждённость и преданность, демонстрируется превосходство духа над телом.

В персональном соматическом бытии человек чувствует боль, переживает страх, вызванный ранением, концентрируясь на опыте слов, передающих ощущение и переживание жизни, то есть физическое разрушение неотделимо от идеальной языковой составляющей, обозначающей опыт тела. Память тела более консервативна по сравнению с памятью сознания. Словесное припоминание, способность вспомнить ситуацию в мельчайших подробностях и пережить её на соматическом уровне,

ощутить прошлую рану, нанесенную словами, свойственно человеку. Для воспроизведения ситуации в целостности и компенсации невербального компонента ранения в контагиозной и гомеопатической магии требовалась реальность контакта, который припоминал действия, части тела, одежды или хотя бы изображение объекта влияния. В социокультурном смысле раны, шрамы и другие телесные метки выступают универсальными знаками, обозначениями и установленными способами окультуривания человека. В своём общем виде окультуривание происходит благодаря различным формам воспитания, в арсенале которых имеется комплекс способов коррекции и техник насилия, но воспитанный человек воспринимает существующие социальные нормы и культурные формы не как следствие прошлого насилия, а как извечное персональное свойство, не подозревая, что все его трансформации, в том числе и соматические, определены рамками нормы начинающего действовать архаического тела. Поведение культурного человека естественно в границах порядка, где он балансирует на границе приличия относительно той социокультурной среды, в которой он пребывает. Приобретение новой стратегии поведения определяется рамками формирования нового тела культуры; подвижность его границ определяется болью, которую человек способен преодолеть. Боль является уроком, который человек способен запомнить. Телесные наказания, сопровождающиеся болью, использовались в различных ритуалах и обычаях с прагматической целью. Осознание значения боли как позитивного и необходимого состояния соматического бытия человека находим у Н.В. Гоголя, который в письме «Близкому другу» писал: «... но тебе ещё загадка слова мои: они на тебя не действуют. Тебе нужно какое-нибудь несчастье или потрясение. Моли Бога о том, чтобы случилось это потрясение, чтобы встретила тебе нестерпимая неприятность на службе, чтобы нашёлся такой человек, который бы очень обидел тебя, опозорил так у всех на глазах, чтобы от стыда не было куда деться и разорвал бы за один раз все самые чувствительные струны твоего самолюбия. Он был бы твой истинный брат и спаситель» [2, с.301]. Эффективные изменения во внутреннем мире человека возможны не путём уговаривания, а путём радикального ограничения самолюбия и разрушения прошлого мифа о «Я». И как здесь не припомнить мысль З. Фрейда относительно трёх ран, нанесённых нарциссизму человека, который считал себя центром Вселенной (до теории Н. Коперника), вершиной творения (до эволюционной теории Ч. Дарвина), хозяином собственной психики (до идеи о бессознательном в психоанализе З. Фрейда). Таким образом, побеждая боль, благодаря физическим страданиям и разрушению мировоззренческих ориентиров человек приобретает другие стратегии видения себя и окружающего мира. «Боль соединяет стык различия» [10, с.15] природы и культуры, мира и вещей, воображаемого и символического мира.

Человеческое тело является результатом согласованной работы природы и культуры, которые придают всем его органам и частям эстетически привлекательный и функционально целесообразный вид. Метки на теле как следствие принудительного оформления со временем затягиваются, оставляя только шрамы и воспоминания о боли, о чём свидетельствует процесс универсальной эволюции в становлении человеческого рода. В персональном соматическом бытии тело человека является тем инструментом, который пишет и записывается, наносит на себя метки, которыми обозначает освоенную местность и опыт, списывает знаки, символы со своего родового тела на тело Земли. Оно обозначает подвластную территорию, избавляясь тем самым от принудительных обозначений, от всего того, что оставляет на нём процедура сигнификации, которая охватывает тело и делает его уязвимым и отделённым от родового тела и универсума.

Таким образом, символическое выражение персонального в универсальном и родовом бытии человека снимает радикальную несопоставимость природных и культурных смысловых контекстов, в которые вписана сома индивида. Персональное отделение и суверенизация сомы от рода и универсума синхронно увеличивает её и делает самостоятельным целостное бытие.

Список литературы

References

1. Гоббс Т. Избранные произведения: В 2 т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1964. – 748с.
2. Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 7 т. – Т. 6. – М.: Художественная литература, 1986. – 544с.
3. Горак Г.І. Особистісне вираження у філософських поглядах // Філософсько-антропологічні читання "97. – К., 2000. – 290 с.
4. Делёз Ж. О смерти человека и о сверхчеловеке // Жиль Делёз. Фуко. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 1998. – С.160-172.
5. Мамардашвили М.К. Необходимость себя // Лекции. Статьи. Философские заметки. – М.: Лабиринт, 1996. – 432 с.
6. Подорога В.А. Метафизика ландшафта. Коммуникативные стратегии в философской культуре XIX-XX вв. – М.: Наука, 1993. – 319 с.
7. Савчук В.В. Кровь и культура. – СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1995. – 180 с.
8. Табачковский В.Г. "Антропологічний поворот" філософів-шістдесятників у персоналіях: Вадим Иванов // Філософсько-антропологічні читання 96: збірник / Ін-т філософії НАН України, Укр. філософ. ліга, Центр громадянської освіти "Київське братство" ; упоряд. В. Г. Табачковський. – К. : [б. и.], 1997. – С.7-20.
9. Фрэйзер Д.Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. – М.: Политиздат, 1983. – 708 с.
10. Хайдеггер М. Язык. – СПб.: Эйдос, 1992. – 22 с.
11. Черных Е.Н., Венгерова А.Б. Структура нормативной системы в древних обществах (методологический аспект) // От доклассовых обществ к раннеклассовым / Отв. ред. Б.А.Рыбаков. – М.: Юридическая литература, 1987. – С.25-40.